Н.А. КАЛЁНОВА
(Волгоград)

**СПОСОБЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБЪЕКТИВАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ЧАСТНОМ ПИСЬМЕ
(на материале эпистолярия
М.Е. Салтыкова-Щедрина)**

Анализ роли фразеологических единиц в вербализации эмоций в частном письме на примере эпистолярия М.Е. Салтыкова-Щедрина выявил способы фразеологической объективации эмоций в частном письме: междометные, узуально и контекстуально эмотивные, окказиональные и речевые ФЕ, а также ФЕ, участвующие в комплексной объективации эмоций.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, частное письмо, эмотивность, М.Е. Салтыков-Щедрин.*

Идея о реконструкции мира эмоций по данным анализа фактов языка [20 и др.], т.е. «от фактов языка к миру эмоций» [2, с. 7–8], лежит в основе исследований фразеологической объективации эмоций [1; 3; 5; 11; 15; 16; 21 и др.]. Эмотивной признается языковая, в том числе и фразеологическая, единица, «в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения/состояния говорящего» [20, с. 24–25]. Эмотивной является, например, ФЕ *шито белыми нитками* в значении ‘Разг. Пренебр. Грубо подделано; неловко, неумело, скрыто что-либо’ [8, с. 383]: *Вообще я потерял уважение к этому старику, у которого чем больше волос вылезает из носу, тем больше нарождается малодушия. <...> Не думает о том, что уловки его шиты белыми нитками* (П.В. Анненкову, 10 декабря 1879 г., Петербург) [14, с. 174–175]. Указание на эмотивный компонент в данном случае нашло отражение в словарной статье, ФЕ объективирует эмоцию пренебрежения.

Наблюдения за реестром языковых эмотивных фразеологических единиц (ФЕ) дают представление о его составе, особенностях языковой репрезентации эмоций, однако этих сведений становится недостаточно: языковые

единицы в речи демонстрируют более широкий спектр возможностей в процессе вербализации эмоций, поэтому учёные обращаются к разным типам дискурса [1; 16 и др.]. Эмотивные свойства ФЕ в частном письме до настоящего времени в полной мере не исследованы.

Частное письмо как письменная форма разговорного стиля тяготеет в аспекте объективации эмоций к двум полюсам: с одной стороны, разговорная стихия захватывает и манеру письма, выбор языковых средств, и предмет коммуникации – повседневную сферу общения; с другой – письменная форма позволяет сделать коммуникацию относительно подготовленной, т.е. обдуманно отнестись к выбору языковых единиц с учётом реализации их контекстуальных смыслов и в соответствии с задачами коммуникации [9 и др.]. Параметры коммуникативно-прагматической ситуации, в которой создаётся и функционирует частное письмо как речевое произведение, рассмотрены нами в [7]. Итак, в данной статье представим результаты наблюдений за тем, как, каким образом ФЕ участвует в трансляции эмоций.

Ядро эмотивной фразеологии составляют междометные ФЕ, которые служат средством объективации той или иной эмоции [4; 11; 13 и др.]. Полиэмотивность междометных ФЕ специфична: в структуре фразеологического значения содержится такой смысловой элемент, который предполагает конкретизацию в контексте. Иначе говоря, вариативность конкретной эмосемы узуальна. Лексикографически это зафиксировано как перечень эмоций, который может быть объективирован языковой единицей.

В отличие от контекстуальной, эмотивность такого рода узуальна. Междометные ФЕ созданы как такие знаки косвенно-производной номинации, которые используются только для выражения эмоционального состояния, уточним – для выражения крайней степени эмоционального состояния, характер которого конкретизируется контекстом.

На наш взгляд, когнитивные механизмы формирования узуальной и контекстуальной эмотивности междометных ФЕ не изучены в должной мере. Погружённая в контекст, междометная ФЕ сама не транслирует информацию о характере эмоции. Это подтверждают результаты психолингвистического эксперимента (см., напр., [8]). Контекст, в котором отсутствуют иные эмотивные единицы, «несущие» ядро эмотивного смысла, не может быть

декодирован однозначно, об этом свидетельствуют такие ответы: *Ясно, что автор выражает какую-то эмоцию, но какую, из фрагмента не ясно* или *Эмоция сильная, но нужно всё письмо прочитать, возможно, там есть указание, что именно переживает автор письма*.

В связи с этим возникает вопрос: в какой степени междометные ФЕ являются трансляторами эмоциональной информации. В устной коммуникации междометия, в том числе и ФЕ, транслируют эмоции комплексно. Так, невербальные средства передают едва ли не всю основную информацию об эмоциональном состоянии говорящего: по интонации, мимике, жестам автора сообщения можно декодировать характер интенсивно транслируемой эмоциональной информации. Частное письмо осуществляет коммуникацию в письменной форме, поэтому трансляция эмоциональной информации с помощью ФЕ междометного характера, как правило, сопровождается включением в структуру высказывания единицы, называющей эмоциональное состояние, или мотива-номинатива. Подчеркнём, что мы не включаем лексемы, номинирующие эмоции, и ФЕ дескриптивного характера в базу средств объективации эмоций, эти средства могут контекстуально реализовать потенциальную эмотивность, только в этом случае они становятся эмотивными единицами. Например, *Письмо Ваше, где Вы пишете, что Вам полегче, облегчило меня и всех, составляющих наш кружок. Дай бог, дай бог! Болезнь Ваша тревожит и мучит меня лично точно так же, как и моя собственная. Тоскливо, тревожно, ничего делать не хочется* (Н.А. Некрасову, 13 октября 1876 г.) [14, с. 148]. В приведённом фрагменте междометная ФЕ *дай бог* объективирует некоторую эмоцию или некоторый комплекс эмоций, без обращения к окружающему единицу контексту остаётся неясным эмотивное содержание высказывания в целом.

Дискурсивная особенность междометной эпистолярной фразеологии обусловлена тем, что в речевой практике автора письма за какой-либо междометной ФЕ может быть закреплена функция объективации определённой эмоции, при этом адресат владеет этой информацией. К сожалению, сохранилось очень мало разрозненных наблюдений за повседневной речью авторов писем, что не позволяет в должной мере провести анализ, подтверждающий или опровергающий эту гипотезу. Однако к мысли о дискурсивной обусловленности эмотивного содержания эпистолярной фразеологии нас подтолкнул анализ ФЕ *расти боль-*

шая, заключающей в своей смысловой структуре индивидуальные эмотивные смыслы [6].

Ограничение репертуара эмоций, которые возможно объективировать междометной ФЕ, задаётся характером оценочной семы: *Борькина повесть – чорт знает что такое! Нынче литераторы словно здравого смысла лишились* (Н.А. Некрасову, 10 ноября 1875 г., Ницца) [14, с. 105]. Семы отрицательной оценки допускают объективацию отрицательных эмоций, в данном случае возмущения. Впрочем, в случае контекстуальной эмотивности, возникшей в результате семантических или структурно-семантических трансформаций, возможно преодоление этого ограничения.

Далее обратимся к ФЕ с узуальным эмотивным компонентом, являющимся частью коннотативного макрокомпонента семантической структуры фразеологического значения и находящимся не в ядре, как у междометных ФЕ, а в заядерном и околядерном его пространствах. Например: *Когда будет теплее, поеду хлопотать и разумеется сделаю уступки, изменения и проч. Может быть, в мае и поемцу. Т.-е. тогда, когда самый рассказ будет после ужина горчица* (П.В. Анненкову, 15 марта 1877 г., Петербург) [Там же, с. 163]. Выделенная ФЕ имеет значение 'Ирон. О чём-либо ненужном, запоздалом' [17, с. 158]. В словарной статье находит отражение компонентный состав значения единицы, реализующийся и в речевом употреблении, в том числе и эмотивный компонент, объективирующий эмоцию иронии.

Не всегда в смысловой структуре узуально эмотивных ФЕ сохраняется, проявляется эмотивный компонент, зафиксированный в структуре значения: *Во всяком случае, положение моё весьма не лестное. Работаю с трудом и Бог знает, удачно ли, не срамлю ли я себя этой работой, и не пора ли на покой. Всем я в тягость и ближним, и дальним; я думаю, Унковскому надоел, как горькая редька, своими делами* (П.В. Анненскому, 24 марта 1876 г., Ницца) [14, с. 132]. Фразеологической единицей *надоел как горькая редька* ('Разг. Презр. Предельно, невыносимо (надоеть)') [18, с. 192] могут быть объективированы эмоции презрения, раздражения, возмущения, гнева, например, в контексте *Надоел он мне как горькая редька**. Анализируемый фрагмент письма М.Е. Салтыкова-Щедрина демонстрирует реализацию иных эмотивных смыслов. Это обусловлено тем, что ФЕ используется для описания отношения третьего лица к автору сообщения. ФЕ в данном случае объективиру-

ет не эмоции раздражения, возмущения, гнева, которые, возможно, на самом деле испытывал Унковский, а эмоции досады, сожаления, огорчения, которые испытывал автор сообщения. Иначе говоря, адресант транслирует ту эмоциональную информацию, которая является частью его индивидуальной картины мира. Письмо пронизано мыслью: *Я настолько болен, что так больным и останусь на всю жизнь. Какой могу я быть работник?* [14, с. 132].

Контекстуальная эмотивность чаще формируется в результате структурно-семантических трансформаций: *А время ныне именно презренное. <...> Но для того, чтобы это презрение высказать, нужно чтобы внутренности дрожали, а с одним холодным ... ничего не сделаешь. Клянусь: в ту минуту, когда я почувствую, что внутренности во мне не дрожат больше – кину перо, хоть бы пришлось умереть* (П.В. Анненкову, 2 марта 1877 г., Петербург) [Там же, с. 159]. Автор преобразует ФЕ *взяться за перо* в значении '1. Начать писать о чём-либо. 2. Начать литературную деятельность' [17, с. 78], заменив компонент *взяться* на антонимичную лексему *кинуть*. Обратим внимание, что в данном контексте эмоциональное состояние объективируется и лексемами *презренное* и *презрение*, номинирующими соответствующую эмоцию, а также повтором глагола *дрожать* в разных формах, описывающего внутреннее проявление эмоционального состояния. Кроме того, на синтаксическом уровне эмотивность высказывания объективируется семантикой недосказанности, оформленной многоточием. Интенсивность эмоционального состояния оформлена, во-первых, двоеточием, разделяющим части бессоюзного сложного предложения, соединённые сложными подчинительными отношениями, а во-вторых, авторским тире на границе частей сложноподчинённого предложения.

Репертуар эмотивных смыслов, которые могут быть реализованы в контекстуальном употреблении той или иной единицы, значительно шире представленного системой языка. Потенциальная эмотивность характерна для единиц дескриптивного характера и тех единиц, которые в своём составе имеют оценочную сему. В случае контекстуального фразеопотребления возможны два сценария актуализации потенциальной эмотивности. В первом случае ФЕ объективирует описываемую эмоцию, во втором она объективирует иную эмоцию, чаще всего – эмоцию иронии.

Итак, ФЕ дескриптивного характера может объективировать эмоциональную информацию, соответствующую описываемой эмоции: *Господи! как подумаешь, что эта случайность ещё возможна, даже мороз по коже подирает* [14, с. 9–10]. ФЕ *мороз по коже (подирает, продирает)* имеет значение 'от внезапного сильного страха, волнения, ощущается озноб' [17, с. 385]. Иначе говоря, ФЕ описывает внутреннее проявление эмоций страха и волнения. В приведённом фрагменте реализована контекстуальная эмотивность. Например, сравним с речением: *Да у них мороз по коже от моих слов**, в котором объективируются другие эмоции, например иронии. Иными словами, эмоции могут быть объективированы с помощью ФЕ, которые узуально не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотивность единицы. Анализ реализации потенциальной эмотивности и систематизация этих наблюдений могут дать представление о потенциальных эмотивных свойствах знаков косвенно-производной номинации в разных типах дискурсов, а также в синхронии и диахронии.

Следующий способ объективации эмоциональной информации посредством ФЕ – это взаимодействие семантических структур языковых единиц в формировании общего эмотивного смысла высказывания. Так, например, ФЕ *не в своей тарелке* имеет дескриптивную природу и описывает дискомфортное состояние, непривычные негативные ощущения, дисгармонию. Потенциально эмотивная, анализируемая единица реализует в следующем фрагменте письма контекстуальную эмотивность, объективирующую эмоцию презрения, пренебрежения: *Есть в Тургеневе и малодушие и скрытость. Вся дрянь, всё отребье человеческого, в роде Сологуба так к нему и льнёт. И он как будто бы в своей тарелке тут, и что всего хуже, хочет показать, что они ему в тягость, что они навязываются, и он не знает, как отделаться от них* (П.В. Анненкову, 21 марта 1876 г., Ницца) [14, с. 130]. Обратим внимание, что ФЕ объективирует эмоцию не самостоятельно, а в сложнейшем когнитивно-семантическом взаимодействии с семантическими структурами единиц всего высказывания: лексем *малодушие* и *скрытость*, обозначающих эмоциогенные характеристики человека, лексем *дрянь*, *отребье*. Ассоциативно-образные семы, продуцирующие индивидуальные эмотивные смыслы, закреплены в индивидуальных картинах мира коммуникантов за словокомплексом *вроде Сологуба*.

Рассмотрим ещё один фрагмент: *Но меня беспокоит и огорчает ещё другое, лично до меня относящееся обстоятельство. По приезде моём из Вятки, как Вам не безызвестно, я познакомился с г. Тургеневым. Был у него два раза, пользовался пожатием его руки, но пощением его не воспользовался, хотя правила самой простой учтивости требовали, чтобы г. Тургенев уже до конца сделал меня счастливым. В то время меня это задело несколько за живое, но рассуждая сам с собою я решил это дело тем, что поступок г. Тургенева есть один из видов генеральства, которому не чужды и наши литераторы <...> Ныне я узнаю, будто г. Тургенев имеет какое-то предубеждение против нравственных моих качеств. Прошу Вас передать, что он напрасно так думает <...> Обзирая своё прошлое, я положу руку на сердце говорю, что на моей совести нет ни единой пакости <...> Может быть, Вам не нравится моя раздражительность? Но ведь не всякому достаётся в удел благодущие (П.В. Анненкову, 2 января 1859 г., Рязань) [14, с. 8–9]. Сам автор высказывания по результатам самоанализа делает вывод о своём эмоциональном состоянии, используя эмотивы-номинативы *беспокоит* и *огорчает*, *раздражительность*, которые в данном случае не просто называют эмоциональные состояния, но и объективируют их. ФЕ *задевать за живое* ‘действовать на самолюбие, гордость кого-либо; обижать насмешками’ [17, с. 244] и *положа руку на сердце* ‘совершенно искренне, чистосердечно’ [18, с. 119] имеют дескриптивный характер и демонстрируют взаимодействие с семантическими структурами других единиц, образующих высказывание.*

Окказиональные и речевые ФЕ создаются путем словотворчества языковой личности или языкового коллектива как единицы, способные объективировать те или иные эмоции. Явление окказиональности (имеются в виду созданные автором единицы, не преобразованные) в эпистолярной фразеологии довольно редкое и в целом ярко характеризует лингвокреативный потенциал языковой личности автора писем. Итак, далее представим все ФЕ, которые не зафиксированы в словарях, т.е. окказиональные или речевые знаки косвенно-производной номинации, используемые М.Е. Салтыковым-Щедриным в его частных письмах.

Одна из них восходит к описанию внешних проявлений эмоций: *Благодарю за обязательное посредничество, хотя, признаюсь, лично моё несколько покраснело, когда я увидел*

из письма Вашего, что Вы эпистолу мою подлинником показали Ив. Серг. (П.В. Анненкову, 29 января 1859 г., Рязань) [14, с. 9–10]. Описание внешнего проявления эмоции не стало в конечном итоге генетической базой знака косвенно-производной номинации. Данное высказывание объективирует уже не только стыд, если ещё об этом могла идти речь, а, скорее, иронию или сарказм, но также, может быть, возмущение или гнев. Непосредственное указание на характер эмоциональной информации отсутствует. Впрочем, письмо начинается со слов: *Меня несказанно обрадовало письмо Ваше*. Таким образом, анализируемая единица реализует смысловую структуру ‘было стыдно’, как ФЕ дескриптивного характера, она потенциально эмотивна.

Другая ФЕ обнаруживается в современных Салтыкову-Щедрину художественных и публицистических текстах, например, П.Д. Боборыкина, К.Н. Леонтьева, А.В. Амфитеатрова, а также в ряде критических работ о современном им периоде развития литературы. Существуют научные изыскания, посвящённые соответствующему концепту [11]. Для автора словокомплекс *человек сороковых годов* имеет значение, не выводимое из суммы значений слов-компонентов: *Письмо Ваше, многоуважаемый Павел Васильевич, сделало меня поистине счастливым, ибо я с течением времени всё больше и больше чувствую себя человеком сороковых годов. Но не талантом, ищущим популярности, а именно человеком сороковых годов в хорошем смысле* (П.В. Анненкову, 10 декабря 1879 г., Петербург) [14, с. 139]. Очевидно, что адресант рассчитывает, скорее, даже неосознанно, что тот же объём денотативных и коннотативных смыслов актуален для адресата, что обеспечивается современным для коммуникантов дискурсом эпохи. К слову, для современного носителя лингвокультуры и смысловая структура, и, тем более, генетическая база данной единицы оказываются не доступны.

Обе единицы являются речевыми, не вошедшими во фразеологический фонд русского языка, но не окказиональными, т.е. не авторскими. Скажем, что наличие речевой фразеологической единицы, отражающей специфику мировосприятия эпохи, в речи М.Е. Салтыкова-Щедрина связано с тем, что его индивидуальная картина мира проникнута результатами осмысления общественно-политических и литературных событий, происходящих вокруг него. Эмоциогенными становятся явления и процессы, происходящие не

только с ним лично, с членами его семьи, но и в среде литераторов, в жизни страны.

Ещё одна единица, ФЕ как *пёс на блевотину* (*смотрит*), очевидно, представляет собой речевую единицу, не ставшую языковой. Формально она построена по модели ФЕ типа *как мышшь на крупу* (*смотрит*), *как удав на кролика* (*смотрит*) и т.д., возможно, генетически восходит к одной из притч Соломона. Компонент со сниженной стилистической окраской вносит свою лепту в формирование стилистических и эмотивных характеристик единицы: *И ведь какой хитрый этот Толстой: на прежнюю свою деятельность литературную, как пёс на блевотину смотрит, а деньги за издание этой блевотины берёт хорошие* (Н.К. Михайловскому, 22 февраля 1885 г., Петербург) [14, с. 286]. Единица объективирует эмоцию пренебрежения.

В частных письмах М.Е. Салтыкова-Щедрина творчество предстаёт как основа его жизни, часть повседневности, подвергаясь осмыслению в координатах личностных ценностей: *Вот когда я буду совершенно свободен от служебных отношений, когда не будет беспрестанно подниматься во мне вся желчь, тогда увидим, способен ли я сделать фигурный пирог* [Там же, с. 19]. Об эмотивном содержании окказиональной ФЕ можно судить на основе анализа семантики приведённого фрагмента письма Салтыкова-Щедрина и сконструированного речения: *Вот когда я буду совершенно свободен от служебных отношений, когда не будет беспрестанно подниматься во мне вся желчь, тогда увидим, способен ли я сделать что-то творческое, требующее вдохновения**. Самоирония автора объективируется эмотивным компонентом окказиональной ФЕ *сделать фигурный пирог*, которая имеет смысловую структуру '(сделать) что-то творческое, требующее вдохновения'. Фразеологическая комбинаторика затрагивает ассоциативно-образные семы лексем-компонентов свободносинтаксического словосочетания.

Подводя итог, поясним, что из частных писем М.Е. Салтыкова-Щедрина [14] методом сплошной выборки составлена картотека, насчитывающая 197 фразеопотреблений, затем на основе комплекса методов, таких как метод компонентного анализа, метод модальной рамки А. Вежбицкой, метод фразеобразовательной комбинаторики Н.Ф. Алефиренко, а также на основе данных психолингвистического эксперимента проведён анализ ФЕ, позволивший выделить 112 единиц, так или ина-

че участвующих в трансляции эмоциональной информации. В результате выявлены следующие способы фразеологической объективации эмоций в частных письмах М.Е. Салтыкова-Щедрина:

1) С помощью ФЕ, имеющих в ядре своей семантической структуры особый семантический компонент, коррелирующий с эмотивным компонентом другой языковой единицы, входящей в структуру высказывания, т.е. междометных ФЕ. Эта группа ФЕ составляет 7% от количества эмотивных ФЕ и 4% от их общего количества. Специфика эпистолярных междометных ФЕ в том, что они объективируют эмоции в паре с другой единицей, которая номинирует эмоцию, иначе её характер может быть не декодирован получателем сообщения, либо за конкретной единицей, характерной для повседневной речи адресанта, закреплено конкретное эмотивное содержание, о чём знает получатель сообщения.

2) С помощью ФЕ, узואльно эмотивных. Эмотивный компонент коннотативного макрокомпонента таких единиц актуализируется и в смысловой структуре ФЕ (23% от количества эмотивных ФЕ и 13% от общего количества ФЕ).

3) С помощью эмотивных ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узואльной, это самая малочисленная группа: 3,6% от количества эмотивных ФЕ и 2% от общего количества ФЕ.

4) С помощью ФЕ, которые узואльно не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотивность единицы: 25% от количества эмотивных ФЕ и 14% от общего количества ФЕ.

5) С помощью включения ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, запрограммированное автором сообщения, участвуют в объективации эмоций: 37% от количества эмотивных ФЕ и 20% от общего количества ФЕ.

6) С помощью окказиональных и речевых эмотивных ФЕ: 4,4% от количества эмотивных ФЕ и 2,5% от общего количества ФЕ.

Указанная статистика отражает особенности частного эпистолярного письма М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вместе с тем анализ материала, который включает фразеологию писем XVIII–XX вв., показывает, что выявленные способы зафиксированы в частном эпистолярном письме независимо от времени его создания и авторства, а процентное соотношение ФЕ внутри подгрупп, выделенных на основе принадлежно-

сти их к тому или иному способу объективации эмоций, в большей степени отражает особенности языковой личности автора частного письма.

В заключение дополним, что «полное собрание писем» не только «образует основу и для биографии, и для истории творчества» выдающегося представителя того или иного времени [22, с. III], не только наиболее правдоподобно рисует картины повседневности изнутри, но и становится ценнейшим источником лингвистических исследований, дающим возможность реконструировать особенности языковой личности автора писем.

Список литературы

1. Ахмадуллина Л.Р. Реализация эмотивности фразеологических единиц в текстах современной англоязычной прессы // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/03/2521> (дата обращения: 05.11.2014).
2. Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986.
3. Бондаренко В.Т. О смеховой функции русской фразеологии // Русский язык в школе. 2001. № 3. С. 74–76.
4. Ипполитов Н.Б. Междоментная фразеология русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
5. Кавуля Т. Модально-междоментные фразеологические единицы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1987.
6. Калёнова Н.А. «Расти большая. Твой С. Есенин»: фразеологический смысл в источниках личного происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. II. С. 89–92.
7. Калёнова Н.А. Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярия С.А. Есенина) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2014. № 10. С. 68–75.
8. Калёнова Н.А. Проблема эмотивной компетенции студентов (анализ результатов эксперимента) // Высшая школа. 2015. № 1. С. 49–50.
9. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура (на материале писем А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова). М.: СпортАкадемПресс, 2001.
10. Лазутин В.В. Идеино-поведенческий комплекс «люди сороковых годов» в литературе конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
11. Леонтьева Е.А. Эмоционально-оценочные возможности междоментных фразеологических единиц в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук, 2000.
12. Мительская Ж.З. Семантическая организованность фразеологизмов модального класса. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004.
13. Пегина Т.П. Структурно-семантические и коммуникативные особенности междоментных эмоциональных идиом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1994.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма 1845–1889. Л.: Гос. изд-во, 1925.
15. Синюк В.Б. Фразеологизмы как выразитель эмоций в языке // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст.: в 2 ч. Смоленск, 1999. Ч. 2. С. 164–168.
16. Соловьёва О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н.Э. Тэффи: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 1.
18. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2.
19. Хомякова Н.А. Эмотивность идиом // Психология. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/linguistics/emotivnost-idiom.html> (дата обращения: 11.10.2014).
20. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
21. Шеховцова И.А. Вербализация базовых эмоциональных концептов посредством фразеологических единиц // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этнического сознания. Волгоград, 2002. С. 67–72.
22. Яковлев Н.В. Предисловие // Салтыков-Щедрин М.Е. Письма 1845–1889. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. III–VIII.

* * *

1. Ahmadullina L.R. Realizacija jemotivnosti frazeologicheskikh edinic v tekstah sovremennoj anglojazychnoj pressy // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2013. № 3 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/03/2521> (data obrashhenija: 05.11.2014).
2. Babenko L.G. Oboznachenie jemocij v jazyke i rechi. Sverdlovsk, 1986.
3. Bondarenko V.T. O smehovoj funkcii russkoj frazeologii // Russkij jazyk v shkole. 2001. № 3. S. 74–76.
4. Ippolitov N.B. Mezhdometnaja frazeologija russkogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1974.
5. Kavulja T. Modal'no-mezhdometnye frazeologicheskie edinicy v sovremennom russkom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D., 1987.
6. Kaljonova N.A. «Rasti bol'shaja. Tvoj S. Eсенин»: frazeologicheskij smysl v istochnikah

lichного proishozhdenija // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch. Tambov: Gramota, 2012. № 7 (18). Ch. II. S. 89–92.

7. Kaljonova N.A. Osnovnye parametry chastnogo pis'ma kak rechevogo proizvedenija (na primere jepistoljarija S.A. Esenina) // Izvestija Volgogr. ped. un-ta. 2014. № 10. S. 68–75.

8. Kaljonova N.A. Problema jemotivnoj kompetencii studentov (analiz rezul'tatov jeksperimenta) // Vysshaja shkola. 2015. № 1. S. 49–50.

9. Kovaljova N.A. Russkoe chastnoe pis'mo XIX veka. Kommunikacija. Zhanr. Rechevaja struktura (na materiale pisem A.S. Pushkina, I.S. Turgeneva, L.N. Tolstogo, A.P. Chehova). M.: SportAkademPress, 2001.

10. Lazutin V.V. Idejno-povedencheskij kompleks «ljudi sorokovyh godov» v literature konca XIX – nachala XX v.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011.

11. Leont'eva E.A. Jemocional'no-ocenochnye vozmozhnosti mezhdometnyh frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk, 2000.

12. Mitel'skaja Zh.Z. Semanticheskaja organizovanost' frazeologizmov modal'nogo klassa. Cheljabinsk: Izd-vo ChGPU, 2004.

13. Pegina T.P. Strukturno-semanticheskie i komunikativnye osobennosti mezhdometnyh jemocional'nyh idiom: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 1994.

14. Saltykov-Shchedrin M.E. Pis'ma 1845–1889. L.: Gos. izd-vo, 1925.

15. Sinjuk V.B. Frazeologizmy kak vyrazitel' jemocij v jazyke // Raznourovnevyje harakteristiki leksicheskikh edinic: sb. nauch. st.: v 2 ch. Smolensk, 1999. Ch. 2. S. 164–168.

16. Solov'eva O.I. Frazeologicheskie edinicy kak sredstvo sozdanija komicheskogo v proizvedenijah A.T. Averenchenko i N. Je. Tjeffi: dis. ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2001.

17. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2 t. / sost. A.I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1995. T. 1.

18. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2 t. / sost. A.I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1995. T. 2.

19. Homjakova N.A. Jemotivnost' idiom // Psihologija. 2007 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://psibook.com/linguistics/emotivnost-idiom.html> (data obrashhenija: 11.10.2014).

20. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka. Voronezh, 1987.

21. Shehovcova I.A. Verbalizacija bazovyh jemocional'nyh konceptov posredstvom frazeologicheskikh edinic // Aksiologicheskaja lingvistika: problemy

izuchenija kul'turnyh konceptov i jetnicheskogo soznanija. Volgograd, 2002. S. 67–72.

22. Jakovlev N.V. Predislovie // Saltykov-Shchedrin M.E. Pis'ma 1845–1889. L.: Gos. izd-vo, 1925. S. III–VIII.

Methods of phraseological objectivity of emotional information in a private letter (based on the epistolary works by M.E. Saltykov-Shchedrin)

The analysis of the role of phraseological units in verbalization of emotions in a private letter by the example of the epistolary works by M.E. Saltykov-Shchedrin revealed the methods of phraseological objectivity of emotions: interjection, usual and contextually emotive, occasional and verbal phraseological units, and the phraseological units participating in the complex objectivity of emotions.

Key words: *phraseological unit, private letter, emotiveness, M.E. Saltykov-Shchedrin.*

(Статья поступила в редакцию 7.05.2015)

О.А. ТРОФИМОВА
(Волгоград)

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ «МНОГО – МАЛО»
В ПАРЕМИЯХ ДОНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА**

Описаны способы реализации количественной семантики в пословицах и поговорках донского казачества. Рассматриваются морфологические средства, а также имплицитный и эксплицитный пути выражения малого и большого количества.

Ключевые слова: *количественная семантика, «много – мало», паремии, имплицитный и эксплицитный способы выражения.*

Как известно, категория количества проявляется в семантике всех языковых единиц, фразеологическое значение считается оригинальным объектом отображения количественного аспекта. При актуализации количественного значения в семантике номинативных еди-